

НА ЕГО ПОЛОТНАХ - ЛЮБОВЬ К ЛЮДЯМ

О творчестве Михаила Копьева

*Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.*

Борис ПАСТЕРНАК

Друзья шутят, что на старости лет не дает мне покоя образ Дмитрия Ивановича Менделеева: то я пишу о нем, то, как он, завожу дружбу с художниками...

В чем-то они правы, но только отчасти. К образу Менделеева я отношусь с глубоким пиететом с детства. Еще в школе перечерчивал в тетради варианты менделеевских таблиц, прочел все доступные книги о нем. В Московском институте тонкой химической технологии слушал лекции именно в той аудитории, где впервые было доложено о менделеевском открытии. Сорок пять лет подряд читаю школьникам и студентам лекции о периодическом законе. Тридцать лет назад организовал Вологодское отделение всесоюзного химического общества имени Д.И. Менделеева. Конечно, такое не могло не сказаться на личных симпатиях и интересах.

Что же касается дружбы Менделеева с художниками, это требует уточнения: широко известный факт такой дружбы был лишь частью его многогранной личности. Ученого всегда интересовали люди, одаренные от природы особыми талантами, увлеченные оригинальными идеями. Принимал он у себя в лаборатории и вологодских фотографов. Остался доволен и их мастерством, и химической грамотностью.

Конец жизни Д.И. Менделеева совпал с годами высокого напряжения социальных страстей в России. Но эти же годы ознаменовались и небывалым дотолем подъемом в российском

изобразительном искусстве. Достаточно вспомнить передвижничество.

Дружба с художниками была не просто дружбой. Недаром старый химик писал В.В. Стасову: «Меня же в последнее время очень интересуют русская живопись, и случай столкнул с многими ее представителями. Мне кажется знаменательным и важным то взаимное понимание и то сочувствие, какие вижу между художниками и естествоиспытателями. Тем и другим не хочется лгать, а хоть малую сказать - да правду...»

Нынче мы тоже живем в эпоху высокой разности духовных потенциалов, порой рождающих грозную обстановку. Не этим ли объясняется весьма заметный подъем интереса к творчеству российских художников, их социальная востребованность?

Выставляются наши художники успешно и в Третьяковке, и за рубежами России. С 90-х годов уже возникает впечатление, что в Вологде не хватает выставочных помещений, а картинная галерея просто требует новых выставочных площадей. Появилась здоровая конкуренция между организаторами, а с нею и новые придумки, новые формы показа живописных работ от «наива» и «примитива» и до серьезных философских раздумий, выраженных в самых разных художественных стилях и жанрах.

От вернисажей одной картины до больших персональных выставок, от школьных уроков в картинной галерее и до концертов лучших музыкан-

тов на фоне полотен мастеров разных времен и стилей - все это делает культурную жизнь Вологды на рубеже столетий духовно богаче.

К творчеству большинства ведущих вологодских художников, на наш взгляд, вовсе не приложимо понятие о какой-то провинциальности в творчестве.

Известная фраза «Художники творят мир!» имеет самые серьезные основания. «Роскошь человеческого общения» становится неизмеримо большей, если ваш друг и собеседник вводит вас в созданный им мир. Вот почему круг общения Д.И. Менделеева всегда был средоточием людей интересных.

Наверное, потому и я могу называть себя счастливым человеком, что судьба подарила мне прекрасных друзей, которые раскрыли для меня новые миры, рядом с которыми хочется говорить только правду...

Именно так чувствуешь себя рядом с Михаилом Копьевым. С возрастом человек все труднее приобретает новых друзей. Тем более приятно, что это знакомство всколыхнуло в душе что-то из невысказанного прошлого, в чем-то вызвало свежие ассоциации, а в чем-то обогатило абсолютно новыми впечатлениями и красками.

Мне захотелось поделиться этой «роскошью человеческого общения», рассказать о Михаиле Копьеве и его картинах.

Сначала сознаюсь, как рождалось это эссе. Я задумал его в форме интервью и передал Михаилу Копьеву целый ряд вопросов, которые хотел бы обсудить. Но встреча наша откладывалась по всяким объективным и субъективным причинам, и я решил сам еще раз мысленно пройти по выставкам его работ, по мастерской ху-

Я иду искать! х.м., 77х87, 1993

дожника, по страницам альбомов репродукций.

Подумалось: пусть об их авторе расскажут его картины и его герои, а еще расскажу как зритель. Если же я, дилетант в искусстве, что-то неправильно понял или неточно передал зрительское мнение, оправданием мне послужат слова Леонида Пастернака: «Не историкам искусства, ежели они не профессионалы-художники, знающие всю сложность искусства, давать оценку искусству: оценку ему дают художники. Только художники понимают его, и им нужна суть искусства, без которой они не могут жить, которая дает им их язык и содержание...»

Но должен оговориться: не могу принять мнение Л.О. Пастернака за абсолют. Суждения художников о коллегах неизбежно находятся под объективным воздействием традиций и субъективным влиянием художественных вкусов. К тому же они могут быть ревностно пристрастными. Творения художника адресованы не коллегам, а зрителю. Потому дилетантские оценки зрителей порой не менее важны, чем профессиональные мнения коллег.

Может быть, я и не прав в таком

утверждении, может, эта точка зрения рождена воспринятым с детства известным утверждением: «Искусство должно служить народу?»

Потому постараюсь отказаться от оценочных эпитетов, от слов «хорошо» и «плохо», постараюсь говорить о впечатлениях и ассоциациях, которые рождают у меня работы Копьева.

Трудно ответить на традиционный вопрос: кто же он - художник Михаил Копьев. Не могу однозначно отнести его ни к адептам каких-то традиционных школ, ни к основоположникам новых направлений. Мне кажется, взял он от реализма высокие идеалы человечности, душевную открытость, содержательность. Он показывает нам то, что мы не замечаем, мимо чего проходим. Там же художник воспринял удивительную способность воспроизвести на полотне без прикрас и излишеств внутреннюю суть людей, достигая при этом глубокого портретного сходства. От символизма - решимость, энергию, умение туго затянуть пружину сюжета, доводя его порой до символов, а то и до абсурда. Наконец, от романтиков - приподнятость сюжетов, лиричность и любовь к своим героям.

Вот что он сам говорит о себе:

«В искусстве люблю некоторую традиционность. Потому что мы в любом случае имеем дело с продолжением того языка, который был до нас, и нужно все время подчеркнуто обращаться к нему. Абстрактно я люблю даже самые крайние проявления в искусстве, но сам стараюсь остаться на консервативных позициях. Я хочу вписываться в среду, а не раздражать, поэтому приходится прижимать в некоторых работах и цвет, и лихость рисунка. Мне кажется, то, что я делаю, предполагает «негромкий разговор». Если хотите, понимайте это как мою концепцию».

При этом у Копьева незаметно стилизованной эклектики: все у него органично связано и подчинено единому вектору авторской фантазии. И уж коли я употребил слово «фантазия», то хочется проследить, как эта фантазия воплощается на полотнах. М. Копьев

- мастер изобретать сюжеты, в которых фантазия сосуществует с реальностью.

Во многих полотнах можно выделить тему, типажи героев, обстоятельства и обстановку, в которых они запечатлены. Только художник волен определить, что он оставит в поле реальности, а что превратит в фантазии. То совершенно реальная рыжеволосая девушка с бантом смотрит на далекие фантастические горы и видит в них образы ангелов («Трудный возраст»), то почти сказочная клоунесса сидит у совершенно реального теплового моря («Клоунесса у прибоя»). То удивительно человеческий, задумчивый и поэтически приподнятый Велимир Хлебников оказывается на краю то ли болота, то ли сырой дороги. Перед певцом любви, Игорем Северяниным, как в сказке, встает видение прекрасной дамы.

А вот полотно с весьма прозаическим названием «Проходящий поезд». Фантазия - уже в названии: нет ни путей, ни перрона, ни самого поезда... Есть только лица совершенно реально радующихся детей и еще лицо мужчины, для которого «его поезд уже ушел...». Фантастична в картине обстановка и даже краски! А в картине «Автобусная остановка» краски сгущены уже настолько фантастически, что они создают совершенно необычное, тревожное цветовое поле.

На выставках всегда много зрителей толпится около полотна «Реквием». Палач в красном балахоне исполняет на совершенно реальной скрипке реквием по жертве, прикованной к позорному столбу. Рядом - фантастическое орудие казни, лишь отдаленно напоминающее арбалет. Земля цвета крови, кровавый отблеск на кучевых облаках. У художника многие спрашивают, почему жертва тоже одета в красное? «Сегодня - он жертва, а я - палач. Завтра - я жертва, а он...». Так, может, не нужно быть сегодня палачом?

В картинах Копьева фантастичными могут быть любые интерьеры, любые типажи, любые обстоятельства; фантазии Копьева строятся на утри-

Здравствуйте! х.м., 51x69, 1984

ровании отдельных сторон жизни. Они напоминают многоходовые шахматные задачи. Для их понимания приходится прилагать немалое напряжение ума, а порой и остроумия! Но в каждом своем фантастическом полотне мастер остается «в рамках правды».

Написав так, я прекрасно понимаю, что творения мастера бессмысленно разлагать на составные части по темам и фантазиям, по технике, колориту или композиции. Анализ критиков и искусствоведов возможен, иногда необходим, порой даже поучителен. Но анализ всегда остается анализом, разложением, расчленением единого на части.

Как химик, знаю: анализ тем и отличается от синтеза, что он может быть «разложен по головам». Десятки критиков и сотни зрителей будут анализировать любую картину, но только после того, как она родилась, была синтезирована умом и сердцем одного человека - художника.

Художественный синтез - совсем иное дело. Он, как правило, куда сложнее анализа. Он происходит в душе и в голове художника подчас вовсе подсознательно. Но он может достигать творческих вершин и убедительности для зрителя. Порой же случается наоборот: самый осознан-

ный и целенаправленный синтез не убеждает зрителя, оставляя его равнодушным. Так бывало с известными произведениями социалистического реализма, в которых синтез являл социальный заказ.

Потому мне ближе те зрители и критики, которые анализируют картины без разложения их в ряды достоинств и недостатков, а больше обращены к чувствам, ассоциациям, впечатлениям, рождающим мысль.

Великая тайна гениальности и есть тайна художественного синтеза, тайна воздействия на зрителя. Недаром Л.О. Пастернак писал, что любая художественная картина становится событием, когда она вызывает два потрясения: сначала в душе ее автора, потом - в душах зрителей. Мне кажется, что многие полотна Михаила Копьева могут быть отнесены к разряду событий.

Несомненно, событийной вещью является картина «Слушатели эха». В ней с большой глубиной раскрывается жизненный лейтмотив - человек и время.

Семь библейских старцев-мудрецов в жизни уже произнесли свое Слово, а теперь кто с надеждой, а кто и с тревогой слушают, «...как слово наше отзовется...» Дальние снежно-белые облака с едва заметным розоватым отливом как бы символизируют чистоту и романтизм их высоких изначальных помыслов. А темный холм и корявое дерево говорят о превратностях земных человеческих дел и судьб...

Что хотят услышать старики? Мне показалось, что слушают они не Звук, а Время... Сдвинуты на испещренный морщинами лоб ненужные очки, а в глазах - непоколебимая вера и воля: такого жизнь ни в чем не смогла переубедить. Глаза другого устремлены

Водный путь. х.м., 40x50, 1995

вдаль, немощно свисают натруженные руки, плотно сжат беззубый рот: этот ждет ответа с тревогой и надеждой. Над всеми возвышается голова философа с большой белой бородой. На его лице печать душевного покоя и отрешенности: «Все в мире уже было, и нам мало что дано в нем изменить. Главное - быть в ладу с собственной совестью, и тогда Время не властно над душой».

По идее своей близка к той же теме картина «Смотрители осени», но решена она совершенно иначе: я бы сказал, весело, с долей доброго юмора.

Пересказывать сюжеты картин - дело трудное и не всегда благодарное. Скажу только, что в творчестве Михаила Копьева весьма заметное место занимает библейская тема. Здесь и апостол Андрей с ребенком, заснувшим у него на коленях, и благословение, посылаемое старцем через холодную реку, и величественная фигура Моисея в пустыне, и традиционная тема возвращения блудного сына, осмысленная хоть и прямолинейно, но несколько нетрадиционно. В ней нет такой плакатной публицистичности, как у Ильи Глазунова. Но в глубину чувств отца и сына зритель верит.

Михаила Копьева, как мне кажется, нельзя назвать просто иллюстратором Библии. Почему же тогда он

пишет библейские сюжеты, доводя их героев «до узнаваемости»? Мне кажется, что он поднимает нас до осмысления библейских истин.

«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему» (Иерем. 6, 16). Думается, именно так и поступает Художник и Человек Копьев.

Еще из Л.О. Пастернака: «По природе своей художник, преклоняясь перед красотой, формой и

величием природы - от былинки до звездного неба, не может не быть религиозным, не признать Великого художника мира».

К библейскому циклу близка по содержанию картина «Путь пророка». Оплакиваемый ребенком, побитый камнями седой старик лежит на обочине дороги. И только камни на земле говорят о том, что путь пророка шел поперек тропы, что протоптана людьми, «...не ведающими, что творят...»

Тема дороги часто всплывает у художника. Это и «У пересечения дорог», на котором встречаются люди, по видимому, разной веры, разного возраста. Встречаются на стыке пустыни и моря, тумана и стгущающихся облаков. Здесь есть о чем задуматься. Картина способна глубоко влиять на настроение зрителя.

А еще - «Водный путь», на котором лодка пристает к берегу в лучах солнца, с трудом пробивающихся через тяжелые облака. Кто бывал на горе Мауре над бескрайним разливом Волго-Балта и возрождающимся Горичким монастырем, тот мог видеть эти зловещие тучи и эти лучи надежды.

И «Сезон закончен» - о том же: холодная, но еще не замерзшая вода, падающий снег и прощание около

одиноким лодки. Еще немного, и дорога к дому на том берегу для кого-то надолго закроется...

Что же соединяют дороги Копьева? Мне кажется, что они соединяют людей и времена. Художник строит мосты через Время, но сам не уходит по этим мостам из Настоящего в Прошлое. У него не чувствуется внутренней эмиграции из настоящего в прошлое. Просто, с высоты мостов «...прошлое видней, видней, видней...», как пел Окуджава. Или оно по тем мостам само приходит к нам?

Интересно, что в картинах Копьева некоторые объекты как бы переходят с полотна на полотно. Так, четко просматривается тема стены дома. Но действие на полотнах практически всегда разворачивается не внутри стен, а на их фоне.

Вот картина «Шахматный этюд». Три поколения, три времени: ребенок, выглядывающий из дверей в белой стене, немощный старик в кресле с шахматами на коленях, а вдали горы, по гребню которых, как канатоходцы с шестами, идут люди.

Я не настаиваю на своей версии сюжета, но мне показалось - ребенок из темной комнаты выходит за пределы стен в большой мир, куда его, как видения, манят смелые покорители горных перевалов. А старика ждет черная пустота комнаты за стеной: для него уже нет места в активной жизни. Он вынужден довольствоваться мудрой игрой, лишь отдаленно напоминающей о королевских страстях и человеческих баталиях... Другие картины так и называются: «Стена», «Брандмауэр»

Есть у Копьева еще одна важная тема - тема облаков. Профессор М. Соколов пишет: «Порой кажется, что самое реальное и всамделишное в картинах Копьева - это облака. Остальное - либо производное от них, либо какой-то важный, но второстепенный театральный реквизит. Джорджо Вазари сообщает, что Пьеро ди Козимо любил следить за облаками, лова в них фигуры людей и прочие зрелища для будущих образов. Похоже, что Копьев увлечен той же

гадательной процедурой, выискивая в облаках, как сырой субстанции искусства, свои мотивы и сюжеты».

Смею утверждать, что не только Пьеро ди Козимо смотрел на облака. Великое множество российских мальчишек и девчонок из деревень и провинциальных городков испокон веков наблюдают за облаками, пытаясь угадать в них очертания парусов невиданных каравелл, крылья сказочных птиц. Им доступны фантазии облаков.

А столичные дети из своих дворов-колодцев видят только клеточку неба, клочок облаков и потому лишены этой замечательной школы фантазии. Может, потому многие художники-фантасты происходят из российской провинции? Копьев - родом из того же провинциального детства.

Да что - дети! Облака нужны всем. Помню, как в один из августовских дней 1938 года среди чисто-белых кучевых облаков я ясно увидел профиль отца, только что арестованного НКВД... Я хотел позвать мать, но облако медленно меняло свои очертания. Я боялся оторваться, боялся, что видение кончится, пока я забегу в дом. Помню, как не поверили моему рассказу взрослые и как поздно вечером на кухне соседская бабушка, продувая сапогом потухший самовар и по-вологодски напирая на букву «о», тихо сказала: «Не горюй! Даст Бог, вернется твой отец... Видение-то было хорошее». Мало кто возвращался. Отец вернулся в сороковом.

Однажды я рассказал отцу о том видении. Он, едва улыбнувшись, вроде бы даже не мне, а куда-то в пространство произнес: «За полтора года из тех камер я ни разу не видел неба. А хотелось...»

Вернемся же к разговору о творчестве Копьева. Есть еще в его полотнах тема забора... Вдоль дощатого забора группа мужчин быстрым шагом на полотенцах несет на кладбище гроб («Похороны в июне» - 1984 г.). Скорбная пыльная дорога уходит куда-то вниз..., жизнь, прожитая, осталась там, за забором... Проходят годы, и автор снова возвращается к

Портрет сына. х.м., 75x75, 2001

забору. Возле него на лавочке, опираясь на палку, сидит старик в поношенном пиджаке («Господин Серый День» 1995 г.). Яркие дни жизни остались опять же за забором, а здесь - только серые будни.

В 1997 году Михаил Копьев пишет «Мальчика с фиолетовым кубиком»: все на той же лавочке у такого же забора сидит мальчик. В его ладонях лежит фиолетовый кубик. Каждая грань - со своим неповторимым оттенком. Какой стороной, какой гранью повернется к нему судьба? Из-за забора не видно...

Но все мы с детства знаем, что в каждом заборе есть потайная доска, висящая на одном гвозде. Достаточно отодвинуть доску, и открывается «другой мир», пусть маленький, но другой, чужой мир, с которым в детстве мы то воюем, то миримся, учимся понимать и сосуществовать. И хорошо, когда в этом ином мире вам скажут: «Мир входящему!».

Получается как бы триптих, только почему художник пришел к нему «в обратном хронологическом порядке» - остается догадываться...

Есть и другие «заборы Копьева». Вологодское товарищество «Арника» выпустило в виде открыток серию рисунков Михаила Копьева «Человеческие контакты». Рисунки - всегда многозначительны и с большой долей юмора. У дачного забора сошлись два старика, чтобы прикурить... На столбике сидит кот. Забор старикам чуть выше пояса. Он не разъединяет, а сближает этих людей. Нет, это не гоголевские Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Этим людям нечего прятать друг от друга. Скорее, это из песни: «... Давай закурим, товарищ, по одной! Давай закурим, товарищ мой!» И таких заборов -

объединяющих, а не разделяющих, у Копьева много.

В той же «Арнике» в 1997 году, на мой взгляд, преступно, малым тиражом вышла в свет маленькая книжечка М. Копьева «Некоторое». В ней - рассказы, чем-то напоминающие произведения Даниила Хармса, и иллюстрации - карандашные рисунки автора. Я употребил слово «преступно» в том смысле, что для многих людей так и остается неизвестным очень своеобразный литературный дар Михаила Копьева.

Давней и верной любовью художника является театр. Он начинал работу в Вологодском театре для детей и молодежи (тогда еще ТЮЗе). И был он не просто художником-оформителем сцены, но иногда становился соавтором драматургов и режиссеров: спектакли шли не только в его декорациях, но и с его песнями, с придуманными им мизансценами. Вероятно, театральный мир сформировал в художнике своеобразные ощущения, в которых реальность переплетается с условностью, а ограниченность выразительных средств заставляет быть

предельно лаконичным в их выборе и уметь использовать эти средства до конца.

Заговорив о театре, я подумал: «Люди ценят в актерах мастерство перевоплощения, а в творчестве художника, как правило, - верность одной теме, приверженность своему направлению».

Художник Копьев и характером, и творчеством стоит ближе к актеру: он удивительно перевоплощается в своих картинах. При этом приходится признать, что полифоническое звучание картин, столь разных по жанру, по настроению, по цвету, не мешает увидеть то, что объединяет творчество мастера в единое целое: Копьев - личность целостная.

Говорят, что разгадка тайны творческих исканий людей искусства лежит в раздвоении их личности, в противоречиях между философией и формой выражения мироощущений. Но, скажем, никакой дар колориста и рисовальщика не может скрыть философскую бедность художника. Еще печальнее итог, когда серьезные темы автор пытается выразить примитивными приемами. Тогда и рождаются произведения, способные вызвать лишь дешевый эпатаж.

Талант же отличается скорее не раздвоением личности, а ее целостностью. Для Копьева синтез духовного мира человека, в котором внутренняя свобода и нравственность не перечат друг другу, - главное.

Особенно четко это видно в портретном творчестве художника. Портреты, сделанные с любовью, можно сразу отличить от тех, что, по определению Валентина Серова, пишутся как «отбывание наказания», а то и просто «как издевательство над натурой». Давно известна реплика художника: «Боже, где мне взять глинистых красок, чтобы написать портрет надоедливой заказчица!»

Копьевские портреты в большинстве своем - портреты людей, которые интересны художнику. В них отсутствует определенная театральность. Но для любых авторов в определенной мере характерна мифологизация

своих героев. Иногда художники верят в существующие мифы, а иногда создают новые. Копьев чаще предпочитает мифологизировать свои модели сам.

Когда смотришь на портрет отца Василия Павлова, понимаешь, что художник, столь бережно относящийся в других работах к малейшим деталям, умеет совершенно отказаться от традиционной для многих современных портретистов «шиловской» детализации. В картине нет ничего лишнего, и только глаза, обращенные в свой внутренний мир, заставляют поверить в высокое призвание священнослужителя, в целостность натуры этого человека.

Такой же внутренней силой и убежденностью веет со скупых карандашных портретов отца Сергея Пуха и отца Михаила Арцимовича. Эти портреты входят в интересную серию работ, посвященных деятелям русского Зарубежья.

Около портретов матери, жены, дочери художника на выставке всегда много зрителей: теплом веет от этих картин, мимо пройти трудно.

Но бывает и иначе. Так, на портрете народной артистки Аллы Баяновой буйство красок, динамичность рисунка передают неумный характер героини, ставшей для многих мифом. И никто, глядя на портрет, даже не задумается, сколько же лет женщине-легенде отечественной эстрады.

Портретный цикл совершенно естественно у Копьева перетекает в серию карандашных рисунков и дружеских шаржей. В них художник предстает блестящим рисовальщиком и тонким психологом (я опять не удержался в рамках «без эпитетов»). Он умеет подметить в человеке его индивидуальность, а затем «возвести ее в степень смешного». И при этом - не обидеть тех, кого нарисовал. «Эффект узнавания» всегда собирает множество зрителей около этого раздела выставок.

Шаржи Копьева помогают людям «познать самих себя» со стороны. Человек порой воспринимает себя совсем не так, как его видят окружаю-

Корбаков-цапля. 1987. Бумага, сангина. 86х61.

щие. Нечто подобное происходит с голосом: впервые услышав свой голос, записанный на пленку, человек бывает очень удивлен, даже не всегда способен себя узнать. И не столь важно, что мы ежедневно видим себя в зеркале: в нем выражение лица постоянно меняется. В портрете художник ловит момент соответствия внутреннего содержания и внешности: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!» В шарже - утрирует характерные детали того и другого.

Хочется поделиться еще одними ассоциациями, рождающимися на выставках художника Копьева. Мне кажутся его полотна удивительно музыкальными. Порой они как бы навеяны музыкой, а порой сами вызывают звуковые ассоциации.

Смотришь на картину «Святогор», а в ушах тотчас звучит «Богатырская симфония» Бородина. В чем-то фантазиями Грига, музыкой Равеля навеян замысел картины «Арфа юго-восточного ветра». Седой слепой человек радуется и звуку струн полуфантастической арфы, и звуку реального

дверного колокольчика, возвращающего его в мир земных реалий. Глядя на полотно, веришь, насколько может звук заменить человеку незрячему другие каналы общения с миром.

Ну как не вспомнить Маяковского: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?...», когда видишь «Портрет Ю.К. в предполагаемых обстоятельствах», пальцы прижаты к губам, но мелодия звучит.

Любит Копьев и «парадный жанр», полотна крупного формата. Над ними он охотно работает в соавторстве с художником Александром Савиным. Полотна эти посвящены исторической тематике. И характерно, что в них оба художника со скрупулезностью ученых восстанавливают мельчайшие детали прошлого. А их картина «Иван Грозный в Вологде» уже становится своеобразной визитной карточкой города.

Давно и верно сказано: Россия будет прирастать провинцией. Можно сказать, вологодские художники далеко перешагнули границы искусства провинциального. Но нет в полотнах заслуженного художника России Михаила Копьева ни столичного лоска, ни выставочной обязательности, стилизации под вкусы времени. Российская провинция поит художника чистой, незамутненной водой.

Вернусь к Леониду Пастернаку. Он писал, что во все времена находились и среди художников, и среди критиков, и уж тем более - среди публики много желающих сетовать на «упадок современного искусства», на «упадок вкуса», на «невыносимые условия для творчества», наконец, на «потерю традиций». Все это можно слышать и сейчас. Мне же думается, что многие вологодские живописцы больше солидарны в своем творчестве с замечательными словами Томаса Карлейля: «Человек не должен жаловаться на времена; из этого ничего не выходит. Время дурное: ну и что же, на то и человек, чтобы его улучшить».

Нет! Вовсе не случайно великий Менделеев считал искусство и науку «двумя сторонами единого нашего устремления к красоте, к вечной гармо-

нии, к высшей правде».

Р.С. Мне кажется, что через много лет историки российской культуры будут изучать «вологодский феномен» в литературе середины XX века. Тогда тиражи книг Яшина, Тендрякова, Астафьева, Белова, Фокиной, Романова, Рубцова, Коротаева во много раз превосходили все, что издавалось авторами из других регионов страны.

Как я уже говорил, в канун века XXI «центр тяжести» вологодской культуры постепенно переместился в область живописи и графики. Тому подтверждением могут служить персональные выставки лучших наших художников в столице и за рубежом. Так, творчество Михаила Копьева получило прекрасные отзывы на выставках во Франции, в Люксембурге и в Южно-Африканской республике.

Но возникает большой и больной вопрос. Книги вологодских авторов, несомненно, надолго останутся востребованными с библиотечных полок по всей России. А что из произведений вологодских художников рубежа XX-XXI веков удалось собрать нашей картинной галерее? Много ли его приобретено в последние годы серьезных живописных и графических работ М. Копьева, Ю. Воронова, О. Бороздина, А. Баканова, А. Савина, В. Страхова, Г. Асафова и других интересных художников Вологды? Как можно понять, что работы весьма самобытного мастера В. Кордюкова приобретены Национальной галереей США, королевской Бельгии, а в Вологодском собрании за двадцать пять лет нет ни одной его работы?

Художники должны получать за свой труд достойные гонорары. Не потому ли многие полотна, которые могли бы составить наше национальное достояние, уходят за рубеж? Област-

Смотрящий битве вслед. х.м., 120x100, 1996

ной бюджет, я глубоко убежден, должен отдельной строкой выделять на эти цели соответствующие средства картинной галерее, как это делается, например, для баскетбольной команды «Вологда-Чеваката» или для волейболистов Вологды. А при галерее должен самым активным образом работать общественный совет, определяющий круг первоочередных приобретений.

И уж совсем очевидной становится необходимость создания в областной столице постоянной экспозиции современного изобразительного искусства, которая позволила бы раскрыть для обозрения и фонды запасников нашей галереи, и творческий потенциал художников разных направлений, живущих и работающих рядом с нами.

Исаак ПОДОЛЬНЫЙ,
профессор кафедры химии
Вологодского государственного
педагогического университета